

Алексей Гелейн

**ПРЕКРАСНАЯ ДАМА
ОДИНОКОГО
МАЙОРА, ИЛИ ПЛАЦ,
ЗАМЕТЕННЫЙ
СНЕГОМ**

Алексей Гелейн
Прекрасная дама
одинокого майора, или
Плац, замеченный снегом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400413

ISBN 9785447473297

Аннотация

Морозная ночь опускается на бескрайнюю Поволжскую степь. В этот сумеречный час бесстрашный Прекрасный Рыцарь и его Верный Оруженосец, движимые служением Прекрасной Даме, отправляются на борьбу со злом, мечтая в грядущей победе обрести счастье... Утром на построении майор Стаканенко даже и не вспомнит о пережитых опасностях, а рядовой Штейн, томимый страшной тайной, будет проклинать судьбу, определившую его в оркестр N-ского танкового полка. Но все повторится вновь, едва лишь наступит ночь!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Прекрасная дама
одинокого майора, или
Плац, замеченный снегом
Алексей Гелейн**

© Алексей Гелейн, 2016

© Юлия Буракова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая
короткая, предназначенная
для ознакомления
любезного сердцу автора
читателя с местом и временем
действия, из которой
толком-то и узнать ничего
невозможно, но ведь и обойтись
без нее никак нельзя!

– Что это?

– Это – снег. И не снег даже, а так – мелкая жесткая крупка пополам с пронизывающим степным январским ветром. Право, поволжская степь, может, и не самый плохой уголок нашей земли – знавали и хуже! – но уж точно – далеко не лучшее творение Господа Бога... Нет, не лучшее!

Во всяком случае, зимой, когда начинают колесить по ней колючие, жестокие ветра, и температура в двадцать пять ниже нуля тянет на все минус сорок, когда, бывает, на многие недели заволакивает небо унылая серая пелена, и ледяные осколки исхлестывают лица случайных путников до полно-

го бесчувствия и синева, когда за ночь наметает вдруг у порога дома сугробы метра в три вышины, и – не отворить дверь, а только креститься да охать, да поминать – от отчаяния и безысходности – и Бога, и черта, и всех сродников своих – живых и усопших, – так вот, в такие-то дни есть только одно спасение от безжалостной всевластной природы: принять граммов сто неразведенного спирту, забиться в какое ни на есть тепло и, открыв знакомую с самого раннего детства книгу, вычитать в ней что-нибудь этакое – уютное, ласковое, родное: «Ну, барин, беда: буран!» Да-с...

– Ну, а что – там... за снегом?

– За снегом-то? Гм... Некое место. Да, именно! Некое место! Место на земле. Встречается оно так же и на картах и планах Министерства обороны и упоминается весьма часто в документах, отчетах, сводках, приказах, распоряжениях, циркулярах, шифровках и донесениях одного ведомства.

– Что вы говорите! Что-то интересненькое?

– Так... Впрочем, у этого места есть даже название. Ни за что не угадаете! Ха!.. *Чер-но-грязь-е!*

– Черногрязье?

– Так точно! Вот ведь история с этим русским языком! И грязи-то не было толком, и черной-то не была она вовсе. Да, видать, померещилось кому-то. А уж как окрестили, так пошло-поехало... Потянуло за собой словечко и прошлое, и будущее, и всякую судьбу. Расползлись, раскисли дороги. Не то речушка, не то болотце образовалось. Грязь, как во-

дится, — с начала весны до поздней осени. В зной и засуху — пыль, пыль, пыль... Гиблое, гиблое место.

— Да, но ведь там, кажется... м-э-э.. люди?

— А то как же! Как же — без них! Только людей-то мало. Люди — они, в основном, вон где... Да не там! Левее! Вдоль речки... Видите: тринадцать жилых пятиэтажек, один детский сад, один магазин, почта — одна... По-нашему — Городок. На северо-востоке от него — автобат, на северо-западе — «царица полей»... что? Да нет же! Пехота. Ну, а впритык — мы. Н-ский танковый полк. Учебный, правда...

— Позвольте, позвольте! А вон же, вон же! Похоженькие такие... Серенькие!

— Ха! Скажете... Так, это ж — не люди! Солдаты это. Кто и когда солдата за человека считал!.. Гляньте-ка! Сидят, пишут... Политзанятия. Лучшие часы! В казарме — тепло, в голове — пусто... В сон, правда, клонит, но — не беда...

— А этот — что?

— Где?

— Да там, на плацу... Один! Ломом тюкает... Вот, опять тюкнул! И опять... Сколько ж ему еще тюкать, если снег все валит и валит?.. Эй, уши опусти! Небось, холодно, чудило!.. Да кто же это?

— Я.

— Я?

— Я!

Я самый и есть.

Глава вторая

в которой мы, с помощью автора повествования, знакомимся с главным героем, а также некоторыми его особенностями и... гм!.. привычками.

Здесь же содержится и некий ключ к разгадке многих событий и явлений этой истории, на который автор настоятельно рекомендует обратить самое пристальное внимание!

Наиболее обременительны в армии – знания. Знания в области наук гуманитарных – в особенности! История – еще так-сяк... А философия! Куда ее и к чему? Поестъ посытнее, найти местечко потеплее да поспать подоле, – тут тебе и Кант с Гегелем, и Ленин со всеми своими ценными признаниями Питирима Сорокина, вышибленными из него доблестны-

ми сотрудниками ВЧК-ОГПУ! Ох, нет повести печальнее на свете! История отечественного и зарубежного изобразительного искусства, история мировой и отечественной музыки и театра, отечественная же и зарубежная литература и журналистика! Бог ты мой, на что мне это?!

Но отвратительнее всего опять же – русский язык! О, слово, оно выдает меня с головой! Как желтая звезда Давида, как «бубновый туз», как номер на груди! У меня не получается говорить, как все... Я пытаюсь, я пробую... Тщетно! Я пропал! Страшно далеки они от народа! И от ближайшего населенного пункта, и от цивилизации, и, честно говоря, от Города далеки страшно...

Спасибо *словесности*! Да... Одиночество и тоска.

Ладно, тюкаем дальше!

...В окне первого этажа казармы чудится мне легкое движение. И точно – из невнятного полумрака репетиционной комнаты, где наш полковой оркестр в полном составе разучивает «Славься!» М. Глинки, проступает силуэт широкой, но слегка сутулой спины. Эту спину я узнаю из десятков, сотен и даже тысяч широких и сутулых спин, ибо обладатель ее – причина всех моих бед и несчастий!

«Сейчас обернется!» – думаю я.

И он оборачивается...

Майор Михал Сергеич Стаканенко – собственной персоной! Прошу любить и жаловать!..

...Несмотря на то, что зовут его так же, как и нового Ген-

сека, иначе как по фамилии начальство к нему не обращается.

– Здоров, Стаканенко! – приветствует майора комполка Кайзетов. Багровое лицо подполковника Кайзетова расплывается в дружеской полуулыбке, потому что он намеренно делает ударение на втором «а».

– Ста-ка-нэн-ко, товарищ полковник! – поправляет его майор. При этом ударной он делает гласную «е», превращая ее в «э» обратное и сильно смягчает второе «н». На украинский манер, стало быть... Одновременно Михал Сергеич буреет от незаслуженной обиды, но даже и ему не удастся перебуреть комполка! Он так же обращается к Кайзетову «товарищ полковник», в надежде на... Да, мало ли на что хотелось бы ему надеяться! А только не оправдываются надежды эти! Нет!

– А я так и говорю: Ста-ка-нэн-ко! – рот «товарища полковника» расплывается все шире. – Все правильно! По-вашему, по-хохляцки, так *воно і будэ*: Ста-ка-нэн-ко! Га!

Кайзетов смеется... *Кода!* День – насмарку. За шуточки комполка расплачиваемся мы. Вернее – я.

Вот еще и замполит не преминет обидеть:

– Когда стенгазета будет готова? А, Стак *аненко*?

– Стаканэнко... – мрачнеет майор.

Подполковник Тигроволов зыркает на майора черным глазом:

– Чтоб завтра висела! Член Военного совета ожидается!

К тебе зайдем... – черный глаз сужается в желтую почему-то точку. – Проверю... Хы! Стаканенко!..

Майор окончательно сникает. Я – следом. Редактор не существующей пока еще газеты – опять же я.

...Не знаю, как насчет «выше», но «на земле» правда все же изредка торжествует. И для меня это ясно, как простая гамма, исполненная на моем многострадальном втором теноре, именно в такие минуты. На мой взгляд, Михал Сергеич Стаканенко вполне заслуживает причиняемых ему страданий, ибо... Что? Ибо – пьет! Да, какое там – пьет! В невероятных количествах поглощает он, ежели представляется такая возможность, любую жидкость, содержащую в себе хоть сколько-нибудь градусов, оборотов или процентов спирта!.. Окружающие же при всяком удобном и особенно – неудобном случае считают своим долгом намекнуть майору на эту его слабость...

Отчего ж подобные намеки столь жестоко ранят открытое, доброе сердце майора Стаканенко? Оттого, что всякий раз, выслушивая подобные намеки, задается он сакраментальным вопросом: а так ли уж безупречен сам намекающий? И всякий раз с неподдельной грустью отмечает: нет, намекающий далеко не безупречен! Ох, как небезупречен!

Тот же Тигроволов, что – не пьет? Будьте уверены, пьет! И коли накануне доведется ему в этом славном деле перусердствовать, то следующим утром входит он в расположение части чернее тучи, и всякая солдатская живность рас-

ползается при виде его, потому что ни одного встречного без отеческого попечения вроде наряда вне очереди он не оставляет. Как ни странно, с каждым наказанным бойцом становится ему все легче и легче, – и вот уже после обеда подполковник Тигроволов – вполне нормальный человек, с которым вовсе и не страшно случайно столкнуться где-нибудь к лицу лицом.

Подполковник Тигроволов пользуется для маскировки чесноком.

Подполковник Кайзетов не столь жесток: он в невероятных количествах употребляет «Шипр». Снаружи, естественно... Однако, нет-нет, да и пробьется сквозь удушливо-приторный запах «Шипра» легкий вчерашний перегар, но – что дозволено Йови, то не дозволено майору Стаканенко, не прибегающему ни к какой маскировке. Мы-то приняхались, а комполка, всякий раз входя в расположение оркестра, слегка морщится...

О, жалкий лицемер!

К тому, что майор Стаканенко... гм... выпивает, все, может, и были бы готовы отнестись с известной долей снисхождения, кабы ни одно престранное обстоятельство.

Вот – Кайзетов, или – тот же Тигроволов. Что они выпимши или после вчерашнего – заметно всегда. Бодрятся, стараются держаться молодцом! Но... А, уж когда трезвы, то – трезвы! Глыбы гранитные, танки быстроходные, полосы препятствий неодолимые, – а не люди! Бронебойные снаряды

из таких людей делать, честное слово!

Наш же Михал Сергеич – немой укор и сплошное огорчение! Когда изредка случаются у него вынужденные перерывы, то на глазах меняется человек. Да что – меняется! Просто гибнет. И сутулость проступает во всем его светлом облике, и руки этак подергиваются...

Кстати, из-за столь пренеприятной особенности его организма многие, в том числе и я, получали по два, а то и по три наряда вне очереди, истолковывая непроизвольное вздрагивание дирижерской палочки как сигнал ко вступлению своего инструмента... Сигнал этот был столь же четок, сколь и неожиданен, и потому всегда рождал в стройном звучании оркестра отчаянную фальшь и явное смятение.

Майором происходящее воспринималось как издевательство.

...Ну, так вот, глаза его голубые быстро сереют, а потом и выцветают вовсе, белеют губы, неуверенным становится шаг, и короткие золотисто-льняные волосы заметно седеют. Нет, никак трезвый Михал Сергеич не походит на человека трезвого! И потому все гости Н-ского танкового полка – принимая, в ожидании роскошного (с непременно спиртиком, борщом, грибочками солеными и мясом, запеченным в духовке!) командирского обеда, наш более чем скромный парад, – непроизвольно задерживают на Михал Сергеиче взгляд свой и, после нескольких минут изучения беспокоящего их предмета, неизменно задают один и тот же вопрос:

– А этот ваш... м-э-э?..

– Майор Стаканэнко, товарищ генерал! – услужливо суетится вокруг гостя комполка. – Отличный дирижер! Как играют бойцы, а?!

– Да... Превосходно... Хм! Так этот ваш Стаканенко, часом, не того?.. – не унимается гость.

– В рот не берет! – буреет от обиды подполковник Кайзетов и тут же переводит разговор на другую тему: – У него составчик – ого! Из Московской и Саратовской консерваторий! Сплошные лауреаты... этих... конкурсов! А вон там, справа, даже писатель! Нет, как это его?.. Поэт!

– В самом деле? – гость заметно оживляется. – Это – который?

– С трубой... – и палец комполка, преодолевая расстояния и раздвигая валторны и тромбоны, упирается в меня. – И чему их только не учат!.. Ха-ха!

– Ха-ха! Рифмует? Ну, пусть, пусть порифмует! Годок—другой!.. Рифмоплет, ха-ха! – поддакивает гость, приходя в наименее приятное расположение духа, ибо ни что так не радует всякого человека, как мысль о том, что кому-то сейчас приходится много хуже, чем тебе самому...

Так – и не раз! – спасал именно я ни в чем не повинного майора от страшной кары и возможного увольнения из рядов Вооруженных Сил. Впрочем, наш оркестр действительно считался одним из лучших в Поволжском военном округе: все музыканты в нем были относительно грамотными, изъяс-

нялись по-русски достаточно легко и свободно, а большинство – знало еще и ноты. Вокруг же нас, по территории Н-ского учебного танкового полка, очумело бродили, погоняемые русскими сержантами и старшинами-хохлами, пугливые, изумленные и слегка – на наш придиричивый взгляд! – дикие туркмены, киргизы, казахи, таджики и узбеки, пригнанные – по нашим, опять же, сведениям! – из глухих и тихих высокогорных и равнинных кишлаков и аулов и напрочь забытые милосердным Аллахом в жестокой поволжской степи...

Однако, все они считали, что «**Аллах безусловно акбар**», а потому – не перечили Ему и на судьбу не роптали.

...Престранное обстоятельство, о котором уже упоминалось выше, имело и еще одну, самую загадочную сторону!

Стоило майору Стаканенко принять внутрь хотя бы небольшую дозу согревающего кровь напитка, как плечи его распрямлялись, шаг становился твердым и четким, а глаза наливались небесною голубизной. Ожившая статуя Командора, – вот что такое был майор в лучшие мгновения своей жизни! Галантный, остроумный, легкий, непринужденный, веселый майор Стаканенко затмевал в дружеской компании любого, даже комполка Кайзетова, даже и самого Тигроволова, чего они оба не могли ему простить. Увы, увы! Майор был им нужен! Его подчиненные – так ли, сяк ли, но – играли! И замыкался круг, и не было конца у этой печальной истории... С каждым выпитым стаканом становился он все

трезвей, и когда уже все участники дружеской пирушки разбредались по дальним углам и иным свободным помещениям, — над полем битвы, над грудой грязной посуды, над армией пустых бутылок безраздельно парил, царил и властвовал только один человек — блестящий и неукротимый майор Михал Сергеич Стаканенко!

Это был дар! И, как повелось в таких случаях на Руси, дар непризнанный, дар гонимый!

На следующее утро он решительно ничего не помнил.

...Итак, он обернулся...

Вслед за тем в памяти моей немедленно всплыло абсолютно ненужное, исключительно лишнее и вредное да и просто нелепое:

Михал Сергеич обернется

Ко мне из кресла цвета «бискр».

Стекло пенснэйное проснется,

Переплеснется блеском искр...

Сказать по правде, Андрей Белый, равно как и неблагоприятно выплывшие из иной жизни строки его поэмы «Первое свидание», был так же неуместен в этих глухих местах, как и... Моцарт, Бетховен, Шуман, Шопен и Гайдн, уныло виsiaщие на стенах репетиционной комнаты и безропотно взирающие сквозь серое окно на плац, замеченный снегом. Им были совершенно чужды бескрайние заснеженные российские просторы, при виде которых у иного нашего компатриота, большую часть своей жизни проведшего вдалеке от го-

рячо любимой Отчизны, на глаза наворачивается непрошенная скупая слеза... Чужды были и бравурные марши, и хромые пюпитры, и маленькие безликие человечки в «пэша», истово тискающие золотые трубы... Некоторое недоумение было заметно, пожалуй, лишь в восторженно-печальных глазах Моцарта: он справедливо полагал, что после столь жестокой смерти *это* – уже чересчур! А поскольку лауреаты конкурсов и студенты консерваторий существовали, большей частью, исключительно в пламенном воображении подполковника Кайзетова, то и звучащая в репетиционной фальшь всех мыслимых и немыслимых оттенков воспринималась гениями классической музыки как Господня кара за прижизненные грехи. В такие минуты мэтры, за исключением все того же Моцарта, выглядели очень подавленно!.. Даже Шопену собственный траурный марш, казалось, был глубоко ненавистен!

Уместным во всем этом деле был только цвет бискр, преобладавший во внутреннем оформлении казарм и способствующий развитию в солдатах особых, ни с чем не сравнимых эстетических ощущений.

...и наши взгляды встретились...

Майор поморщился, как человек, страдающий флюсом, но сумевший на какое-то время позабыть о нем, да вдруг причинивший себе резкую боль неосторожным движением. В глазах его тщедушной перелетной птицей проплыла тоска.

И этой неизбежной тоской, этим флюсом, терзающим

и плоть, и душу несчастного майора был ни кто иной, как я!

Я – рядовой второго года службы Александр Штейн.

Да, да, да! Майор Михал Сергеич Стаканенко действительно был причиной многих моих бед и несчастий, но и я на долгих полтора года, а, возможно, и на срок неизмеримо больший, стал его проклятьем, его мукой!..

Надо сказать, что о ту пору не был я еще чужд некоторого человеколюбия. И потому, видя душевную боль человека в мутном окне, изготовился, было, простить ему все грехи вольные и невольные, с тем, все-таки, чтобы и он ответил мне подобающим образом, – и, наверное, не лежало бы перед вами это повествование, когда б, в тот же самый миг, не отворилась массивная дверь казарменного входа, и не возник бы на пороге еще один персонаж.

Глава третья

**где автор повествования знакомит
нас с героем вроде бы
второстепенным, но имеющим,
однако, все шансы стать
главным уж если не в конце этой,
то, по крайней мере, в начале
следующей истории, которая,
правда, еще только пишется...**

Разрешите представить, старшина оркестра Н-ского танкового полка, старший прапорщик Додик Арабескович!

(...Нет-нет, вы не ошиблись! И если случилось вам поспешно проскочить глазами предыдущую строку, то прошу вас: вернитесь и перечитайте вновь!)

Итак, он звался Додик Арабескович. И он терпеть не мог русских... Увы, было за что! Пренеприятнейшая эта история началась с того, что в далекий, грязный и нищий детдом маленького пыльного городка К*** привезли завернутого в драные и нечистые тряпки малыша, подброшенного на крыльцо местного центрального переговорного пунк-

та. Ребенок был смуглым. Телефонистка, дежурившая в тот день, заявила, что видела в окно крутившегося подле пункта мужчину с объемистым свертком...

— Да что за мужчина-то? — поинтересовались у нее в отделении. — Не помните ли какие приметы?

— Как же, как же! — бодро отвечала словоохотливая телефонистка, носившая, как явствует из протокола, дивную греческую фамилию: Калипса Костаки! — Темненький такой... Грузин! Нет, армянин! Да, точно армянин!

На вопрос, почему все-таки — армянин, телефонистка Костаки ничего вразумительного сказать не смогла. Но ребенка так и записали армянином. А поскольку каких бы то ни было документов при нем не оказалось, то имя, отчество и все остальное подобрала для него пожилая директриса детдома, — старая дева, не знавшая мужчин, не любившая детей, но обожавшая индийские мелодрамы, футбольную команду «Динамо» и страшно гордившаяся тем, что первый муж ее давно уже покойной двоюродной тети — прозектора Цили Важапшавеловны Гильденкранц — одессит Бичико Коростельский некоторое время подвизался младшим редактором в акционерном обществе «Межрабпом-Русь», снимавшем, по личному указанию Ленина, лучшие советские немые кинофильмы.

Трудно сказать, что именно сыграло в этой истории злую шутку. Возможно, то, что из кавказских имен, по давнему обычаю в третьеразрядном пансионате, памятли были ей два:

Левик и Додик, – и последнее, пожалуй, было предпочтительнее первого. Возможно, и то, что из кавказских слов знакомо было ей лишь одно – хриплое и пугающее «Ара!» Не обошлось тут и без тайной и безотчетной любви к футболисту Бескову, и без чего-то еще... А только нового воспитанника с тех пор все так и называли Додиком Арабесковичем, опуская при этом фамилию. Уж больно красиво и вкусно оно звучало: Додик Арабескович!

Сам Додик Арабескович лютой ненавистью ненавидел и свое имя, и свое отчество, и особенно тех, кто ими его наградил!

Много лет спустя, в поисках каких-либо сведений о матери, удалось ему неожиданно установить личность своего предполагаемого отца. Отец оказался родом из Баку и был наполовину азербайджанцем, наполовину евреем: Азим Реб Шмоткис-оглы, так звали его!.. И теперь я спрашиваю вас: можно ли представить себе что-либо худшее? Даже и то, что спустя десять лет после происшествия на центральном переговорном пункте города К***, отца его смертельно ранили в перестрелке с милицией – он оказался известным бакинским уголовником, – даже эта горькая весть не так расстроила Додика Арабесковича, как запоздалое открытие своей истинной национальности.

Дело в том, что в детдоме азербайджанцы всегда колотили ненавидевших их армян, следовательно, и его – природного азербайджанца и невольного армянина Додика Арабескови-

ча, а подавляющее большинство воспитанников – тут и азербайджанцы, и армяне были едины, – с презрением относилось к немногочисленным детдомовским евреям.

Было отчего возненавидеть русских!

...Я же для досточтимого Додика Арабесковича был и русским, и евреем одновременно!.. А кроме всего прочего, я был москвичом!..

О, жестокосердный Б-г Израиля! За что караешь Ты? Караешь его, меня, безжизненную белую степь, – всех нас!.. «В той степи глухой замерзал ящик...» – «Шма Исраэль! Ам Исраэль *здесь еще* хай!..» – «...он товарищу отдавал наказ...»

Эх-эх!..

Иногда его стойкое чувство нелюбви ко мне сменялось неподдельным изумлением: как вот *это* – то есть: я – *может быть?* Но *это*, вопреки всему, *было*... Сей печальный факт смущал трепетный ум и беспокоил нежную душу старшего прапорщика Додика Арабесковича, но здравого объяснения прискорбному факту сему совершенно не находилось!..

Глава четвертая
в которой автору повествования,
постоянно размышляющему
над тем, что есть истина,
предоставляется возможность
заглянуть в интереснейшее
зеркало, обладающее
способностью отражать самые
невероятные вещи и притом
всякий раз – по-разному

Додик Арабескович огляделся вокруг и помрачнел. Не знаю, что именно ожидал увидеть он: раскаленные пески Египта или плавящийся асфальт полуденного Баку, а только увидел он самый что ни на есть обыкновенный снег... Увы, предчувствие его не обмануло: пейзаж за прошедший час совершенно не изменился к лучшему! Опечаленный старшина с тоской посмотрел на меня и поинтересовался тихо и кротко:

– Шлангуешь?

– Никак нет!.. То есть, наоборот!.. Дело в том, что...

На этом месте старшина махнул на меня рукой.

(Язык! О, великий и могучий русский язык, когда-нибудь ты погубишь меня!)

Махнув, рука повисла тяжело, безжизненно. Старшина пригорюнился окончательно и вздохнул.

– И чему вас только в этой Москве в институтах учат...

В ответ я не менее печально развел руками: о, да! вы совершенно правы! процесс обучения у нас... э-э-э... еще не налажен! да попросту плох он! особенно в Москве! учат из рук вон! черт, заledenел я тут от... собственного невежества, простите мне уж это грубое слово!

Додик Арабескович задумался. В глазах его обозначился вполне гамлетовский вопрос: два наряда вне очереди или... впустить? Впустить... или – два наряда? А может, хотя бы один? А?.. Нет, слишком унылый был у меня вид даже и для одного! Человек мучается, скорбит... Осознает!

– Заходи! – старшина широким жестом пригласил меня в теплую казарму.

В курилке рядом с сортиром отдыхали, сладко попыхивая «Дукатом», три неразлучных «сверчка»: младший сержант сверхсрочной службы Брылькин, сержант сверхсрочной службы мариец Степа и старшина сверхсрочной службы Страстотерпцев. Негнущимися пальцами я размял ароматную «Астру».

– ...такая, понимаешь, толстая загорелая задница посре-

ди кровати! – маленький, круглый Стратотерпцев брызгал слюной и размахивал в воздухе руками, слегка при этом подпрыгивая. – Ну, тут я ей и *вдул*! *Вдул* по самые уши!

Круглолицый Брылькин и вечно улыбающийся мариец Степа слушали уважительно, изредка кивая и поддакивая.

(Помнится, в первые дни своей службы я, тогда еще плохо знакомый с суровыми реалиями солдатской жизни, наивно поинтересовался у Стратотерпцева, что означает это загадочное *вдул*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.